

Владимир Дулга

ХУБАРА

Голаны

Владимир Дулга
Хубара. Голаны

«Издательские решения»

Дулга В.

Хубара. Голаны / В. Дулга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859427-4

Заключительная часть романа «Хубара — Голаны» рассказывает о событиях, службе и повседневной жизни коллектива советских военных советников и специалистов одной из дивизий сирийских Вооружённых сил, расквартированной на Сирийских Голанских высотах. В череде беспокойных лет в жизни сирийского государства осень 1984 и весна 1985 годов, возможно, были одними из самых мирных и спокойных месяцев. На это время выпала заключительная часть командировки главного героя повествования Владимира Симонова.

ISBN 978-5-44-859427-4

© Дулга В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
О книге	7
Часть третья. Голаны	9
Май 1984 года. Отпуск. Москва	9
Май – Июнь 1984 года. Москва, Урал, Сибирь	13
Июнь 1984 года. Аэропорт «Шереметьево-2»	18
Июнь 1984 года. Дамаск. Международный аэропорт	22
Июль 1984 года. Голаны. Мир тесен. Узник	26
Июль 1984 года. Рекогносцировка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хубара Голаны

Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2017

ISBN 978-5-4485-9427-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родился на Урале. Своей малой Родиной считаю Забайкалье, где прошло детство и юность, в военном городке, на берегу таёжной реки. Продолжая семейную традицию, окончил Благовещенское танковое командное Краснознамённое училище и Академию бронетанковых войск. Сменил множество должностей и мест службы – Тува, Хакасия, Западная Сибирь. В Германии командовал танковым батальоном, был заместителем командира учебного танкового полка в Омске, три года служил советским военным советником в Сирии. Армейскую службу закончил на преподавательской работе. Герои романа – мои сослуживцы, военные советники, специалисты, их семьи, – люди объединённые словом «хубара», интересные воспоминания о которых заставили взяться за перо.

О книге

Третья, заключительная часть романа «Хубара – Голаны», рассказывает о событиях, службе и повседневной жизни коллектива советских военных советников и специалистов одной из дивизий сирийских Вооружённых сил, расквартированной в маленьком, пыльном городке на Сирийских Голанских высотах.

В череде беспокойных лет в жизни сирийского государства, осень 1984 и весна 1985 годов, возможно, были одними из самых мирных и спокойных месяцев. На это время выпала заключительная часть командировки главного героя повествования Владимира Симона.

В наши дни, в ходе успешной операции Воздушно Космических сил России на территории Сирии против террористических группировок «Исламское государство и «Джебхат ан-Нусра» (запрещённых в РФ и ряде других стран), западные средства массовой информации подняли яростную шумиху по поводу появления российских военных на территории этой арабской страны.

Но, советские, а позже российские советники и специалисты, помогали строить и обучать сирийские вооружённые силы почти с момента провозглашения Сирией независимости.

Даже открытые западные источники того времени, которые трудно заподозрить в симпатии к нашей стране, вынуждены были признать, что ещё в 1956 году по приглашению правительства и Президента Шукри аль-Каутли, Советский Союз направил в Сирию сводный контингент из состава Вооружённых сил СССР. Для оказания помощи независимой Сирии, преобразованной позже в Сирийско-Египетское объединённое государство, а с 1961 года ставшей суверенной Сирийской Арабской Республикой (САР), в строительстве национальных вооружённых сил и защите государства от внешних угроз.

В период с 1973 года по 1981 год, учитывая сложную политическую обстановку сложившейся вокруг Сирии, и неоднократные обращения Президента Хафеза аль-Асада, решением советского руководства, количество советников и специалистов было значительно, увеличено.

В создавшейся обстановке, когда в события, помимо Сирии и Израиля, могли быть втянуты регулярные подразделения вооружённых сил, и корабли военно-морского флота США, а также войска других стран региона, Москва пошла на беспрецедентный шаг – подписав с Дамаском в октябре 1980 года соглашение, один из пунктов которого гласил:

– «Если третья сторона произведёт вторжение на территорию Сирии, то Советский Союз будет вовлечён в события».

Во время войны в Ливане, в 1982—1983 годах, в целях укрепления противовоздушной обороны Сирийской Арабской Республики, в Сирию были переброшены боевые подразделения ПВО Советской армии, для оказания непосредственной военной помощи сирийской армии.

Любое размещение контингента войск иностранного государства на территории других стран, рассматривается мировым сообществом, как один из способов усиления влияния данного государства в стратегически важном для него регионе.

Как считали западные аналитики того времени, в противоборстве с США, с целью повышения авторитета и влияния на Ближнем Востоке, Советский Союз осуществлял поставки современного оружия и направлял в Сирию советских военных советников и специалистов.

В Сирии всегда был хорошо подготовленный советнический аппарат. На его опыте строили свою работу советники и специалисты в других арабских странах.

Советские советники и специалисты находились практически во всех звеньях управления Вооружёнными силами САР. Более чем полвека, в Сирии постоянно присутствовали советские, позже российские, военнослужащие, которые были активными участниками всех

региональных кризисов, конфликтов и войн. Профессионально выполняя свой воинский долг, зачастую рискуя здоровьем и собственной жизнью.

Мы там не появились сейчас, – мы были там всегда, с момента обретения Сирией независимости!

Часть третья. Голаны

Май 1984 года. Отпуск. Москва

Лариса уехала к детям месяцем раньше. Володя, с помощью друзей, воспользовался рейсом, вылетающим в понедельник. Рано утром Аббас и Рустам отвезли его в аэропорт, пожелали хорошего отпуска и поехали в бригаду. На полигоне, к предстоящим осенью тактическим учениям с боевой стрельбой, советские специалисты отдела боевой подготовки, оборудовали мишенное поле.

На этот раз багаж Симонова превысил установленные двадцать килограмм, и Володе пришлось договариваться с дежурным переводчиком управления Фархатом Ороевым, провожающим рейс, о дополнительных багажных талонах. Встретившись впервые после той опасной ночи в горном Ливане, друзья без проблем решили этот вопрос.

Промчавшись по плитам новой взлётной полосы, самолёт плавно взмыл в небо. Пропали далеко внизу невысокие горы, с жёлтой, высохшей травой на склонах, утлые глинобитные жилища, в маленькой деревне на краю необъятных песков, стада баранов и кочевой скарб, возле брезентовых палаток жителей пустыни – бедуинов.

Самолёт сделал плавный вираж, и утреннее солнце очутилось сзади, вскоре внизу заблестела морская гладь с точками кораблей, спешащих куда-то. Вновь загорелось табло «Пристегните ремни», самолёт пошёл на снижение, пронёсся почти над самой водой, колёса коснулись земли острова Кипр, где должна была произойти смена экипажей.

– Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Ларнака, – объявила стюардесса, – прошу всех выйти к автобусу.

Возле трапа их ожидал жёлтый автобус. Пассажиров разместили в прохладном зале, достаточно скромного, здания аэровокзала. Через тонированные окна помещения блестела бескрайняя гладь моря; ближе, жёлтый песок и исчерченная колесами самолётов взлётная полоса; далеко в качающихся волнах тёплого воздуха, на дальней стоянке, белые самолёты.

Выйти из помещения было нельзя, и Симонов стал разглядывать красивые цветные фотографии на стенах, рассказывающие, вероятно, об истории аэропорта. На одном из снимков было изображено здание из рифлёного железа, на краю поля, с надписью на английском – «Ларнака», военные самолёты, выстроившиеся в ряд, и дата – 1974 год.

Другую стену украшали многочисленные снимки розового фламинго. Володя долго разглядывал удачно снятые моменты из жизни этих прекрасных птиц. Мужчина, подошедший следом, рассказал, что вблизи аэропорта существует солёное озеро, куда осенью прилетают пернатые. А розовый фламинго, со временем, стал, чуть ли не визитной карточкой самого аэропорта.

Во второй половине дня Симонов был уже в Москве. Получив багаж, удачно выловив такси, помчался в гостиницу на Мосфильмовскую улицу. Но там ожидали приезд какой-то большой, африканской военной делегации и таким «странниками», как Симонов, в родной стране места не оказалось. Оставив в камере хранения гостиницы свой чемодан, отправился в «десятку» – десятое Главное управление Генерального штаба.

Каким-то чудом, быстро получив пропуск, рысью побежал по многочисленным этажам и кабинетам. Учитывая опыт предыдущего отпуска, сей процесс, в этот раз, оказался гораздо быстрее. То ли отпускников было меньше, то ли Симонов бегал быстрее, но перед самым закрытием учреждения, с деньгами, чеками и проездными документами в руках он, вытирая пот, вышел из кабинета с надписью «Финансовая часть»

– Вероятно, я поставил новый рекорд по оформлению отпуска в «десятке», – подумал Володя, – приеду назад в Самейн, расскажу, никто не поверит!

Сдав внизу пропуск и получив бумажку-направление в ту же самую гостиницу, где оставался первый раз, уезжая в Сирию, пошёл к метро. Доехал до станции «Аэропорт», без всякой надежды отправился в кассу заказать билет на самолёт в свой южно-уральский городок, где его ожидали жена и дети. Отстояв очередь, просунул в окошечко кассира заграничный паспорт, с вложенной серебряной цепочкой, скромно попросив заказать билет на ближайшие дни, до нужного города. Приятный женский голос ответил:

– Можете оформить билет сейчас, на рейс, вылетающий завтра во второй половине дня!

Симонов переспросил, предполагая, что он ослышался, или слегка задремал. Но тот же приятный голос повторил, что билет он может купить немедленно.

Выйдя на улицу под тёплый летний дождик, Володя подумал:

– Очень удачный день, сказочно везёт, как говорят – «попёрла удача!». Надо съездить в гостиницу Министерства обороны, может африканцы передумали ехать в такую даль, тем более и дождь стал накрапывать!

Но в этот раз, удача отвернулась от него. В гостинице сообщили, что африканские полководцы не передумали, приехали и уже ужинают в ресторане. Услышав это известие, и почувствовав, кружащие голову гастрономические запахи, доносящиеся из кухни ресторана, Симонов понял, что очень голоден.

Вызвал такси и поехал в гостиницу указанную в бумажке-направлении.

Но и там удача не сопутствовала ему. Свободных мест не было, и Володя присел на диван в маленьком холле, размышляя как поступить?

Из коридора появился мужчина, показавшийся Симонову знакомым, он собирался оставить дежурной ключи от номера, увидев Володю, радостно заулыбался:

– Мир тесен, какими судьбами? Два года назад тут же встретились и вот опять встреча! Прилетел или улетаешь?

Наконец, узнав в мужчине того самого московского дальневосточника, с которым жили в одном номере отправляясь в Сирию, Симонов ответил:

– То и то, вместе! Сегодня прилетел из Дамаска, а завтра улетаю к семье на Урал. Мест в гостинице нет, жду, может, кто съедет? Или до утра тут «перекантуюсь, на диване.

Дежурная засмеялась:

– А я где буду спать?

– Пойдём ко мне в комнату, – неожиданно предложил мужчина, – у меня там две кровати. Но жена уехала к сестре в Подольск на несколько дней. Получишь постельное бельё и можешь располагаться.

Расположившись, Симонов предложил где-нибудь поужинать. Он с трудом вспомнил имя своего соседа, – его звали Юрием.

– Пойдём, я знаю тут одно местечко, – когда учился в академии, с ребятами туда частенько заходили, – согласился Юрий. – На днях там ужинал, в заведении всё по-старому, свободных мест нет, но швейцары те же, «красненькую» при рукопожатии передал, и оказалось, что я там заранее столик заказывал, ещё вчера.

Действительно, протиснувшись через очередь, подошли к входу, старичок-швейцар, поздоровавшись, открыл массивную дверь. В зале было многолюдно и накурено, в табачном дыму угадывались фигуры танцующих, через шум голосов доносились бухающие звуки оркестра, и, поющий незнакомую мелодию, уставший женский голос.

Услужливый официант, по-видимому работающий в паре с дедушкой-швейцаром, показал им столик в стороне от танцующих пар, и достаточно далеко от гремящего барабанами оркестра. Вероятно, Юрий был знаком с этим молодым человеком:

– Это мой товарищ, – представил он Симонова, – только что прилетел из далёкой страны, поэтому как обычно, – арабский вариант!

Не успел молодой человек уйти, как к столику подсели две, далеко не юные дамы, с весьма явными намерениями.

– Нет, нет девушки! – предостерегающе поднял руку Юрий, – только не сегодня! Мы с товарищем встретились через много лет и хотим спокойно поговорить. В другой раз!

Недовольные дамы удалились.

– Ты с ними знаком? – спросил Симонов, – и что означает «арабский вариант»?

– Нет, к счастью, близко не знаком. По-моему, они тут ошивались ещё во время моей учебы в академии. Но были, в то время, гораздо моложе, – прикурив предложенную Володей сигарету, Юра продолжил, – что такое «арабский вариант» спрашиваешь? Отвечаю – в гостинице, где мы устроились, обычно останавливаются искатели приключений, вроде нас. В основном с Ближнего Востока, Африки и других мусульманских государств. Естественно, приехав в отпуск из дальних стран, люди с деньгами, соскучившиеся по русской пище, хотели бы отведать настоящего хлеба, сала, селёдки и конечно водочки. Кстати, смотри за своим кошельком, это тут «на раз» делается, не успеешь и глазом моргнуть, а его уже нет!

Учтивый официант принёс заказ – борщ, бутерброды из чёрного хлеба с толстыми кусками солёного сала; красиво уложенную селёдку и какую-то зелень. Водочку в запотевшем графине принесли отдельно.

Плотно поужинав и выпив, друзья, как водится, вспомнили Сирию, ливанские события и политическую обстановку в регионе:

– В Ливане мир до сих пор висит на волоске. Большая часть сирийских войск уже выведены, но значительные силы всё же остались. Мою бригаду основные боевые события обошли стороной, несколько раз попадали под авиационные удары, были жертвы. Но в целом, боеспособность сохранилась. После окончания активной фазы боевых действий, бригаде даже не потребовалось доукомплектования, – уже изрядно захмелев, рассказал Юрий. – Давай, Володя, выпьем за то, что остались живы!

Налили из ополовиненного графинчика, чокнулись, выпили, молча, думая каждый о своём. Что-то вспомнив, Юра, глядя на Симонова пьяными глазами, спросил:

– А твоя бригада была в Ливане?

Симонов кратко рассказал о вводе войск в Ливан, о боях, в которых участвовала бригада, о переезде коллектива в Самейн.

– Это хорошо, что в тот раз, я с тобой не поменялся бригадами! Ты жив, здоров, а мой ангел-хранитель мог и проморгать это дело! Бог сберёт! Самейн, это вообще дыра, – повезло, что не поменялся! А тут, за неделю до отпуска, мою бригаду «пе-ре-ре-дисл, пе-ре-сло» – так и не смог выговорить Юрий мудрёное слово, – ну, короче говоря, перебросили на самую передовую, там до еврейских позиций рукой подать, – закусив бутербродом с салом, медленно выговаривая слова, продолжил, – снайпер враз дырку в башке просверлит! Ты понял? – пьяным голосом спросил Юрий.

Симонов ответил, что понял. А про себя отметил, как быстро его товарищ запьянел:

– Ты давно в Москве? – спросил он Юрия

– С пятницы тут живу.

– Что же домой, к детям, не едешь?

– Сегодня в «десятке» рассчитался, но до сих пор, никак не определяюсь, ехать в Сирию ещё раз, или нет?

– Как это – «ехать – не ехать?» – удивился Володя, – не поедешь – партбилет на стол и шагом марш на гражданку! А то и под трибунал!

– Меня под трибунал «не моги»! Ерунда всё это! – пьяно покачивая перед Симоновым пальцем, продолжил Юра, – меня так просто не возьмёшь! Друзья нашли мне прекрасную

должность в Москве, два раза такие вещи не предлагают! Конечно, пришлось кое-кому дать честно заработанных чеков! Не без того! Ты меня понял?

Спохватившись, оглянулся по сторонам, приложил палец к губам:

– Тише! Никому ни слова! Если в ближайшие дни, вакансия действительно подтвердится, я ложусь в военный госпиталь Бурденко, у меня есть подозрения на язву желудка. Остальное, дело техники и связей – получу нестроевую и останусь в столице. Буду жить как белый человек! И нахрена мне этот Ливан, с евреями и снайперами? «Жисть» у человека одна и надо прожить её так, – забыв остальные слова, Юра задумался, – короче, хорошо прожить! Ты меня понял?

– Понял, понял! – ответил Симонов, – пойдём домой «стратиг» московский!

С большим трудом Володя доставил соседа в номер гостиницы. Юра всё время пытался вернуться в ресторан и, как он выразился, «перетереть» какие-то дела с теми престарелыми дамами.

На следующий день, с утра, Симонов, рассчитавшись с гостиницей, поехал в кассу продажи билетов на международные авиа рейсы. Ещё издали, подъезжая на такси, увидел длинную петляющую очередь, растянувшуюся по скверу.

– Тут можно неделю простоять! – прикинул Володя.

Он вспомнил вчерашний ужин, соседа Юру и его рассказ о том, что если отпускник не может в установленный срок приобрести билет на обратный рейс, «десятка» обязана помочь ему уехать. Симонов решил не терять времени, а вернуться из отпуска в Москву пораньше, с тем, чтобы купить билет до Дамаска.

Вечером Володя был уже в кругу семьи.

Май – Июнь 1984 года. Москва, Урал, Сибирь

Конечно, Сибирь и Урал не Крым и ни Сочи.

Но и эти, отведённые коротким отпуском дни, были самыми счастливыми днями в году. Отдыхали вместе, всей семьёй, выезжали в лес – на природу, купались, в протекающей рядом с дачей Володиных родителей речке. Загорали на песчаных берегах старого карьера, именуемого жителями «Голубыми озёрами».

Несколько дней жили в своей квартире в военном городке на окраине миллионного города. Бродили по набережной большой сибирской реки, от души смеялись над клоунами на представлениях цирка, ходили в кино и зоопарк.

Но самое главное – снова были все вместе!

Старшая дочь Женя, стала красивой, стройной девушкой, помощницей маме и бабушке. Младшая – Юля, оправдывала своё имя, тоже подросла и была очень деятельной и подвижной. Бегала со своими прежними подружками, мелькая красивыми бантами на маленьких косичках. Девчонки всегда были в гуще друзей, игр и событий.

В полк Симонов не ездил, но от встретившегося в посёлке Макина узнал, что Иван Петрович Бронский покинул Сибирь. После скандальных событий с незаконной раздачей квартир вольнонаёмным дамам в одном из гарнизонов Округа, и браконьерской охоте, он от греха подальше, отправился на равнозначную должность, в одну из стран Варшавского договора, в качестве представителя. В учебной дивизии намечались большие перемещения. Штаб дивизии наконец-то перебрался из города в посёлок, и теперь пропала необходимость ездить на ежедневные вечерние совещания через весь город. Начальники всех степеней, наведываясь в части, уже не вели себя, как помещики, приехавшие в забытую деревню пересчитать крепостных.

Симонов, по старой памяти, съездил в гости к командиру ремонтно-восстановительного батальона и попросил изготовить танк. Нет не настоящий, боевой танк, а его уменьшенную медную копию, которую обычно дарили гражданским партийным и хозяйственным деятелям в качестве сувенира. Один экземпляр оказался в наличии, и комбат подарил его Володе. Танк оказался достаточно большим и тяжёлым:

– Ничего, – подумал Симонов, – из дома в Сирию, кроме чёрного хлеба, пары бутылок водки, куска сала и колбасы, везти нечего.

Юля иногда по-прежнему кашляла. И Лора предложила, осенью, когда она вновь поедет к Володе, забрать дочку с собой в Сирию. В надежде, что изменение климатических условий и отсутствие предполагаемых аллергенов, помогут выздоровлению.

К великому сожалению, отпуск подходил к концу, Володе надо было уезжать к месту службы, Лариса с детьми собиралась поехать к маме в далёкое Забайкалье.

Симонов, проводив жену и детей на железнодорожном вокзале, на следующий день вылетел в Москву. Родители Володи с грустью остались одни, в, непривычно пустом, доме.

Расставание было трудным, Жене предстояло осенью остаться у родителей Володи, приближающееся расставание с мамой и сестрёнкой тяготило её.

Ларису волновало то, сможет ли она провезти Юлю с собой в Сирию?

Ограничение на въезд детей, введённый после попытки взрыва Управления советников, до сих пор отменено не было. Но обстановка в Сирийской республике нормализовалась, попытка смещения президента Асада его братом Рифатом была подавлена, террористы организации «Братья мусульмане» не проявляли прежней активности. Многие советские специалисты гражданских контрактов привезли детей. Школа в советском посольстве с нового учебного года собиралась работать в обычном режиме. Юля была вписана в заграничный паспорт мамы, и Лариса, прилетев в Москву, уже купила на себя и дочь обратный билет в Дамаск. Но если

девочку не пропустят на границе, в аэропорту Шереметьево, Ларисе придётся сдавать билеты и возвращаться на Урал.

Володя прилетел в Москву в четверг утром, хотя планируемый вылет в Дамаск должен был состояться в понедельник. Умудрённый опытом, сразу поехал в гостиницу, где останавливался прошлый раз, прилетев в отпуск. Получив номер и сдав вещи в камеру хранения, поехал в «десятку». Бегая по многочисленным этажам и кабинетам, в очереди перед дверью финансовой части, завершающей кабинетное «хождение по мукам», неожиданно встретил Виктора Леонидовича Лельку, накануне прилетевшего из Сирии, и оформляющего в окончательный расчёт. Получив документы, вместе вышли на улицу, в сквере мужа ожидала Алла Леонтьевна, неизменный организатор всех добрых дел женской половины коллектива.

Увидев Симонова, Алла Леонтьевна обрадовалась, как будто встретила кого-то из родственников. В разговоре выяснилось, что они остановились у сестры в пригороде столицы, в прекрасном, красивом месте, рядом с остановкой электричек Казанского направления. Где собираются в ближайшую субботу отпраздновать с друзьями и близкими, своё возвращение на Родину. Будут родственники, Илья Мошечков с женой Светланой, неделями раньше приехавшие по окончании командировки. Был приглашён и Симонов, Виктор Леонидович объяснил, как проехать до нужной остановки и друзья распрощались.

Спустившись в метро, Симонов доехал до станции Парк культуры и отправился на Фрунзенскую набережную в кассы Аэрофлота. В сквере по-прежнему змеилась очередь из желающих выехать за рубеж, было такое ощущение, что эта та самая очередь, которая стояла тут ещё месяц назад. Не став ни короче, ни длиннее. За ним заняли ещё три человека, затем девушка, пришедшая от головы шевелящейся ленты, строго предупредила:

– Больше не занимать! Работают только два окна, всё равно до закрытия обслужить всех не успеем!

Похоже, она была ясновидящей, – за несколько человек до Володи, работа касс международных сообщений закрылась! Как считалось в стране «развитого социализма», за границу вылетали или диссиденты, или беглецы в «Землю обетованную», либо люди, незаслуженно получившие счастье, уехав «за бугор», заработать на халяву большущие деньги. Что автоматически делало их, в лице остальных граждан, либо идеологическими противниками, либо людьми, предавшими свою Родину, в лучшем случае, счастливыми получившими возможность стать немножко зажиточнее остальных. Что естественно, вызывало зависть, несмотря на то, что большая часть этих счастливых ехала в страны, охваченные войной, гражданскими конфликтами, нескончаемыми переворотами и революциями. Для кого приобретённый в кассе билет, мог вполне стать, действительно, билетом в один конец.

Крупные партийные функционеры летали правительственными рейсами, а чиновникам рангом пониже, билеты привозили прямо на дом. Поэтому, в длинной очереди стояли обычные советские люди, привыкшие к очередям, которые были обязаны благодарить судьбу, за то, что им выпала такое счастье – побывать за границей, увидеть жизнь других континентов и стран, заработав при этом какие-то деньги. А, как известно, за любое счастье надо платить, считали остальные – не осчастливленные граждане. Потому стойте, ждите и не шумите, пока компетентные органы не передумали вас выпускать! Люди стояли и ждали!

Одна из наиболее активных женщин, предложила написать номера очерёдности, нашли шариковую ручку, и нацарапав на руке Симонова цифру «11», договорилась встретиться утром, за пару часов до открытия.

Володя с вечера заказал такси на шесть часов утра. Утром, промчавшись по полупустынному и какому-то незнакомому от этой пустоты городу, был в знакомом сквере. Он оказался не первым, среди деревьев мелькали фигуры потенциальных авиапассажиров, приехавших ещё раньше. Ближе к открытию, та же, особо активная женщина из очереди, расставила людей,

согласно нанесённых на руку номерам, сзади пристроились граждане, приехавшие впервые, и система приняла законченный вид.

Время открытия прошло, но заветные двери оставались закрытыми, два милиционера не спешили раздвигать турникеты для пропуска людей. По очереди пронеслось:

– Сказали, что оформляют группу, поэтому придётся подождать.

– Какую ещё группу, – возмутились в очереди, – туда никто не входил!

– Да они там ночевали! – послышался чей-то насмешливый голос, – или пробрались из гостиницы Россия по подземному ходу!

– Граждане спокойно! – донеслось усиленное мегафоном сообщение сержанта милиции, контролирующего вход, – сегодня будут работать три окна! Все успеете!

Из-за здания появилась группа темнокожих людей в цветастых национальных одеждах и обычных европейских костюмах. К ним тут же подрулил микроавтобус с посольскими номерами, публика расселась по местам и машина плавно укатила.

– А вы говорите подземный ход? – пробасил кто-то из толпы – вспомните байку Райкина про заднее «кырыльцо» и дефицит.

Наконец, двери касс Аэрофлота открылись, и милиционеры слегка раздвинув турникеты, пропустили внутрь первых трёх счастливых. Очередь продвинулась на три шага. Симонов вспомнил, что должен позвонить в «десятку» своему, как тот представился – «куратору», и доложить, как обстоят дела с билетами.

Побежав вокруг здания и по ближайшим улицам, нашёл телефон-автомат, отыскал бумажку с номером и позвонил. Бодрый голос на другом конце провода ответил:

– Полковник Рябцев.

Симонов представился, сказал, что второй день стоит в очереди за билетами и пока не может точно сказать, приобретёт ли он его сегодня, или нет.

– Ты когда должен улететь? – строгим голосом спросил куратор.

– В понедельник, – ответил Володя, – но может получиться так, что отстояв очередь, я узнаю, что билетов в Дамаск нет!

– Ты мне задачи не ставь! – ещё более рассердился голос и, с металлом в интонации, продолжил, – крайний срок твоего отлёта – среда, и ни днём позже! Ясно! Мне не важно, как ты этот билет приобретёшь, хоть на рейс Аэрофлота, хоть на любой аэроплан до Дамаска! Не улетишь в срок – будут большие неприятности! Понял!

В трубке щёлкнуло и всё стихло.

– Ну, ну, – спокойно оценил обстановку Симонов, – очень испугал! Человек, явно не желает заниматься своим делом и пытается всё спихнуть на отпускников. Отправлять убывающих, как сказал «московский дальневосточник» Юра, святая обязанность куратора, об этом ему по секрету сообщил старый друг – сотрудник «десятки».

Володя вспомнил свою первую встречу с куратором, Рябцев, в то время ещё подполковник, важный и довольный собой, рассказывал группе отъезжающих, про неведомую страну, в которой им предстояло работать, о нравах, обычаях, людях и вооружённых силах страны пребывания.

Симонов неожиданно подумал, что сейчас смог бы рассказать людям гораздо больше из того, что действительно их ожидает на той далёкой земле.

Очередь то ползла, довольно быстро, то вставала «колом», тогда активисты шли к дверям и следили за тем, чтобы очерёдность соблюдалась неукоснительно. Иногда дело доходило до повышенных тонов, переходя на личности. Особо «хитрыми», как правило, оказывались студенты университета имени Патриса Лумумбы. Покричав и поругавшись на своём языке, иностранцы, не добившись ничего, покорно шли в хвост очереди. Милиционеры в словесную перепалку не вмешивались, с интересом ожидая финала.

Наконец, Володя оказался у заветных дверей. Его и ещё двух счастливичков, отделяет от них только турникет охраняемый милиционерами.

В это время, с Набережной к кассам, свернул ярко красный приземистый автомобиль, с открытым верхом. Из него вышел высокий молодой человек восточной внешности в модном костюме, и лишь белый платок с обязательным чёрным кружком на голове, говорили о том, что юноша принадлежит к жителям Аравийского полуострова. Следом выпорхнула длинноногая, белокурая девушка в коротеньком, красном платьице. Под ручку они двинулись к дверям касс. Пара, негромко разговаривая, шла так, будто в сквере кроме них, никого не было. Не обращая ни на кого внимания, они подошли к турникету, и араб попытался его отодвинуть.

Два нехилых мужчины из тройки Симонова, оттеснили его в сторону и перекрыли вход. Симонову ничего не оставалось, как присоединиться к ним.

Иностранец, не ожидая такого поворота, отступил, с надеждой посмотрев на милиционеров. Те демонстративно отвернулись к входу.

Мужчина начал что-то кричать, судя по всему на арабском, размахивая руками и переходя на русскую брань. По-видимому, его родной язык не располагал большим количеством ругательств и, в конце концов, он полностью перешёл на русский мат, который у него получался почти профессионально.

Все молчали, не зная как на это реагировать. Симонов шагнул к скандалисту, и произнёс несколько фраз по-арабски, выученных ещё давно с помощью Аббаса. Закончив свой монолог самой безобидной из них, – «Секер бузак! – закрой поганый рот», звучащей в русском переводе несколько иначе.

Араб от удивления, напротив, открыл рот, и ошалело посмотрел на Володю.

– Секер бузак! – ещё раз повторил Симонов.

Резко повернувшись, молодой человек, грубо схватив за руку свою спутницу, удалился к машине. Машина взвыла и с шумом рванула с места.

– Что вы ему сказали? – спросили из очереди.

– Попросил его закрыть рот, – ответил Володя.

На этот раз, к великой радости, билет он приобрёл. Правда только на вторник, и на рейс сирийской авиакомпании. Самолёт вылетал из аэропорта Шереметьево в девятнадцать часов по московскому времени и делал промежуточную посадку в Анкаре. Это был не лучший вариант, но выбора не было.

С утра купив небольшие подарки, на электричке с Казанского вокзала доехал до нужной остановки. Спросил у железнодорожника на платформе, где находится нужный адрес, и уже через десять минут, был возле ухоженного одноэтажного дома, с большими светлыми окнами, выходящими на железнодорожные пути. Дом показался Симонову гостеприимным и весёлым. Перезнакомившись с хозяевами и гостями, все расселись за богатый стол, чувствовалось, что женщины постарались на славу

Были тосты, раздольные русские песни, мелодичные украинские напевы, разговоры о детстве, родителях, армейской службе и бесконечных переездах. Тяжёлые воспоминания о Сирии, взрывах, гибели людей. Добрые слова о коллективе советской «хубары», в далёком и пыльном городке Самейне. Куда из всех присутствующих, должен был вернуться только один Симонов.

Незаметно наступила ночь, на чернильно-синий небосвод высыпали яркие, как будто только что вымытые звёзды, лёгкий, летний ветерок шумел в кронах могучих деревьев. По зеркалу спящего озера пролегла блестящая, мерцающая в ночи дорожка, от поднявшейся из-за дальнего леса луны. Где-то неподалёку, выводили витиеватые трели невидимые в сумраке соловьи. Простучала в ночи последняя электричка и опять мир погрузился в сонную тишину

– Хорошо у нас в России! Дома всегда хорошо! Как будто и не уезжали! – с чувством промолвил Виктор Леонидович.

В Москву Володя вернулся в воскресенье после обеда, хлебосольные хозяева никак не хотели отпускать гостей.

Ни Лёльки, ни Мошечковы не знали своей дальнейшей судьбы, они были уже откомандированы «десяткой» в распоряжение Главного штаба Сухопутных войск, и ждали новых назначений. Симонов улетал через два дня, в нём боролись разные чувства. С одной стороны, лететь в Сирию в этот раз, особо не хотелось – снова эта выматывающая жара, та же однообразная, жёлтая пустыня, холостяцкая квартира на втором этаже «хубаровского» дома, осточертевшие лепёшки, похожие к вечеру на тарелочки для стрельбы и воспоминания о том, что надо что-то приготовить поесть. С другой стороны, и в Москве он чувствовал себя чужим, друзей не было, прокуренная комната в гостинице с древней мебелью и жутко храпящим соседом за стеной тоже прилично надоела. Питаться приходилось на бегу, в каком-нибудь кафе всухомятку, а вечером в номере, тем, что попутно купил в ближайшем «Универсаме». Идти в шумный и прокуренный ресторан, с грохочущей музыкой, назойливыми девицами, прилизанными официантами, и хитрыми швейцарами не хотелось.

Танковая бригада в далёкой Сирии готовилась к проведению первых в истории, тактических учений с боевой стрельбой ночью, и Симонов там был, очень нужен.

В оставшееся до вылета время Володя заехал на рынок, купил увесистый, аппетитный кусок солёного сала, пахнувший чесноком и ещё какими-то приправами. Отстояв очередь, может не такую длинную, как за билетами, но более шумную, толкающуюся и кричащую, где самые крутые выражения матерного сленга, использовались, всего лишь для связки слов, он пробился сквозь толпу, гордо держа в руках две бутылки «Столичной»

Потолкавшись в очереди другого магазина, где хриплый мужчина, как одинокая выпь на болоте, пьяным голосом периодически выкрикивал:

– Граждане, только по одной бутылке в одни руки! Подумайте об остальных!

Бойкая продавщица винно-водочного отдела, полная, но на удивление подвижная женщина, действительно, выставляла на прилавок только по одной бутылке, несмотря на слёзные просьбы покупателей.

Так Симонов стал счастливым обладателем трёх бутылок водки. В хлебном магазине, где не было очереди, он купил три буханки чёрного хлеба и пачку чёрных, как уголь, сухарей. Ранее приобретённое сало дополнило обязательный перечень подарков вернувшегося отпускника.

Вспомнились слова Иванова, в первый день по приезду в Дамаск:

– «До чего же хорош наш хлебушек! Не ел бы его, а только нюхал! Ничего, ничего, – успокоил он иронично улыбающегося Володю, – послужишь годик, сам поймёшь! Проснешься, иной раз ночью, приснится, что сало с чёрным хлебом жуёшь, слюной можно захлебнуться. Вот тогда меня и вспомнишь! А ещё снится, как снег под ногами скрипит, – вздохнул Иван Иванович, – утро морозное и тихое, иней на берёзках. А ты идёшь, снег под ногами – скрип, скрип! Дымы от печек над избами в небо поднимаются. Воздух – хоть кусками режь, вместо пирога. Попомни моё слово – вспомнишь!»

– И действительно вспомнил, – подумал Володя, – русского хлеба вкуснее нет, и не будет! Снег, чтобы лежал настоящими сугробами, два года не видел, и, вероятно, увижу только через год.

Во вторник, задолго до вылета, Симонов был уже в аэропорту «Шереметьево-2».

Июнь 1984 года. Аэропорт «Шереметьево-2»

Регистрация билетов началась вовремя. Симонов, двигаясь к стойке регистрации, от нечего делать, рассматривал пассажиров рейса, это были, в основном, арабы. Володя даже удивился, как много граждан Сирии живёт и учится в Советском союзе. Студентов можно было отличить по возрасту, одежде, манере громко разговаривать на смеси арабских и русских слов.

– Чем-то напоминающей «хабирский» язык, – усмехнулся Симонов.

Некоторые короткие фразы он понимал, о смысле других догадывался по жестам и мимике говорящих. Вероятно, квалифицированное преподавание в университете русского языка и постоянная языковая практика, дали свои результаты.

Несомненно, молодые люди разговаривали на русском, хотя и коверкая слова, гораздо лучше, чем Симонов на арабском. Вот что значат хорошие учителя!

Турецкие пассажиры выделялись из толпы отъезжающих. Они группировались отдельной кучкой, разговаривая вполголоса. Люди выглядели более европейскими, хотя, подойдя к стойке регистрации, пытаясь что-то доказать сотрудникам аэропорта, начинали так же, как арабы, громко разговаривать, отчаянно жестикулируя и срываясь на крик.

Две, или три женщины, были явно россиянками, по-видимому женами богатых сирийских предпринимателей. Судя по всему, кроме Симонова, граждан Советского Союза среди отъезжающих не было.

В очереди рядом с Симоновым, оказался молодой сирийский парень, сносно разговаривающий по-русски. Он представился аспирантом Краснодарского ВУЗа.

На таможенной проверке строгий таможенник, спросил, нет ли ничего запрещённого для перевозки в ручной клади Симонова. После того, как сумка прошла «телевизор» и на экране высветилось его содержимое, попросил представить вещи к осмотру. Осмотрев медный танк со снятой башней, и не поняв, что это, спросил:

– Объясните предназначение!

Симонов поставил башню на место и объяснил, что это подарок арабскому генералу.

– Это случайно не золото? – улыбнулся строгий сотрудник.

– Нет, это медь, золото, насколько я помню, оловом не припаивают! – ответил Симонов – показывая на соединение деталей. – К тому же у арабов дешёвого золота и своего хватает.

– Посмотрим, посмотрим! – неопределённо ответил таможенник, набирая телефонный номер.

Вскоре появился ещё один сотрудник с каким-то прибором, потыкав им в танк, коротко бросил:

– Медь! – и удалился.

– Куда столько водки везёте? – спросил первый таможенник, заглядывая в сумку, – хлеб чёрный три булки, а сало вообще не приветствуется.

– Тридцать процентов сирийцев – христиане, рядом с тем местом, где мы живём, христианские деревни, сало можно купить без проблем. Но то сало – не сало, с нашим ничто не сравнится! Водка зачем? – На днях очередное звание должны присвоить, надо будет с друзьями отметить! Вообще-то я не гордый, – если бы мог, ещё дома погостил бы, или с кем-нибудь поменялся.

– Надоело? – понимающе ответил таможенник, – военный контракт?

– Да, на третий год поехал!

Внезапно вновь став строгим, сотрудник подвинул сумку к Симонову и официальным тоном сказал;

– Проходите!

Не веря в удачу, Володя, миновав паспортный контроль, оказался за границей.

При взвешивании ручной клади выяснилось, что танк оказался тяжелее, чем Симонов предполагал. Взвешивала симпатичная русская сотрудница аэрофлота, но так как рейс был сирийским, рядом стоял то ли представитель компании, то ли член экипажа, внимательно наблюдавший за её работой. Сумка Симонова была отставлена в сторонку, араб требовал, чтобы Володя сделал доплату, или убрал лишнее, а девушка, почему-то заупрямилась. Когда Симонову объявили стоимость перевеса, он понял, что придётся выбирать, или оставлять на стойке водку, или подарить несговорчивому арабу танк. Денег для оплаты у него не было, в кармане завалилась две-три трёшки, пятёрка и замусоленная десятка – всё, что осталось от расчёта с таксистом, доставившим Володю в аэропорт. Дело в том, что провоз за рубеж купюр большего достоинства было, чуть ли не подсудным делом. Если уезжающий гражданин, всё же желал вывезти какую-то значительную сумму, то он обязан был её задекларировать. Хотя десятки и пятёрки, естественно провозили без оформления. Эти деньги были нужны для того, чтобы, вернувшись в Союз, было бы на что доехать до гостиницы, и прожить пару дней. Этим, как правило, занимались храбрые жёны, часто выезжающие на Родину.

Симонов собрался было, уже выложить пару бутылок, но девушка, взвешивающая ручную кладь, напомнила арабскому представителю:

– Только что, вы пропустили советского молодого человека вылетающего в Турцию, у которого и ручной клади-то не было, но двадцать килограмм уже были включена в стоимость его билета. Так? – чувствовалось, что сотрудница Аэрофлота была почему-то обижена на сирийского представителя. – Я прошу вас включить перевес этого пассажира в тот неиспользованный вес!

Не ожидавший такого поворота араб, вероятно владеющий русским языком, выставив перед собой ладони, заулыбался:

– Да, да! Конечно, какой разговор! Пожалуйста!

Пока Симонов заново оборачивал в сумке бутылки полотенцем и застёгивал замок, девушка тихонько сказала Володе:

– Он тут стоит, каждый недовес записывает. Наши пассажиры из дома, как правило, налегке едут, без особого багажа. Что туда везти? А он потом, этот вес своим отдаёт, думаю не бесплатно. Они от нас порожними-то не летают! – улыбнувшись, пожелала, – счастливого полёта!

До вылета было около часа. Побродив по полукруглому холлу, глядя в громадные окна на стоящие на посадке самолёты, Володя почувствовал голод. Лёгкий завтрак из пары бутербродов с твёрдым, как пластмасса сыром, и стаканом тёплого чая, вот и всё, чем он довольствовался в этот день.

Заглянув в один из буфетов, решил взять чай и какую-либо булочку, за границей цены были другие, поэтому на большее Симонов и не надеялся. Покопавших во внутренних карманах, он неожиданно, обнаружил несколько двадцати-пяти рублёвых купюр, вероятно лежавших там, ещё со времени отпускных поездок.

Володя заказал бутерброд с чёрной икрой, сто грамм коньяка, и двухсот – пятидесяти граммовую подарочную бутылочку виски. Подумав, купил бутылку армянского коньяка «Арагат». В буфете, за столиком в углу, расположились два негра, за другим столиком он увидел двух арабов, один оказался тем самым молодым человеком, которому он предлагал закрыть рот. Он тоже узнал Симонова, и что-то сказал своему спутнику, тот изучающее оглядел Володю, с явным намерением подойти.

Симонов ответил безразличным взглядом и отвернулся, подумав про себя:

– Этого мне только не хватало! На скандал они явно не пойдут – это всё-таки Москва. Но какую-нибудь гадость, если у нас один рейс, могут сделать. Если не тут – в Москве, то по прилёту – в Дамаске. Там мяч на их стороне!

Но, на его счастье, диктор объявил посадку на самолёт, вылетающий в Дубай, и молодые люди удалились.

Наконец объявили посадку на рейс в Дамаск. Не с первого раза найдя нужный посадочный рукав, Симонов встал в очередь и вновь оказался рядом с аспирантом сельскохозяйственного ВУЗа. Непосредственно перед входом в самолёт, стюардесса сирийского рейса проверяла посадочные талоны. Тут же стоял капитан пограничник, проверяя паспорта. Рядом кто-то из членов экипажа с прибором-металлоискателем. Что на других рейсах Симонов никогда не наблюдал:

– Опасаются террористов из банды «Братья Мусульмане», – предположил Володя, – значит, не всех уничтожили, остальных просто разогнали, они попрятались кто где, и ждут своего часа.

Когда подошла его очередь, мужчина прибором провёл по груди и ногам. Жестом попросил повернуться спиной и сделал то же самое. Затем хотел проверить сумку, которую Симонов держал в руках. Стоили прибору только приблизиться к сумке, он истерически запищал, испугав присутствующих.

– «Шу хадо – что это? – спросил проверяющий.

– «Дабаби – танк» – ответил Симонов.

– «Киф дабаби – как, танк?» – не понял араб.

Пришлось достать презент и показать его. Все с удивлением рассматривали блестящую начищенной медью копию танка.

– Это не драгоценный металл? – поинтересовался пограничник.

– Нет! Его уже в таможне проверяли, – ответил Симонов, жалея, что вообще, зря затеял эту историю с подарочным танком.

Араб крутил в руках танк не зная, как поступить. Пограничник спросил:

– Вы военнослужащий? Кому везёте подарок?

Тщательно подбирая слова, стараясь не выдать своё волнение, Володя пояснил по-арабски, что он подполковник, советник командира танковой бригады, подарок везёт для своего друга – командира бригады генерала Амина – племянника президента Асада.

Он думал, что сириец его не поймёт. Но тот всё прекрасно понял, вернул танк Симонову и показал рукой – проходите. Уходя, Володя повернулся и ответил пограничнику:

– Я военный советник, а танк, подарок сирийскому генералу!

Заняв в салоне свое место, Симонов вновь оказался рядом с аспирантом из Краснодарского ВУЗа. Чему тот очень обрадовался, чистосердечно признавшись, что хотел бы в полёте поговорить, как он выразился, «со свежим человеком».

«Свежий человек» Симонов не возражал, сказав, что будет рад такой беседе, и подумал:

– Это будет прекрасная возможность освежить свой «арабо-хабирский» диалект, после месячного отпуска.

Одним из последних пассажиров в салон вошёл тот самый молодой араб, с которым Симонов поругался у билетных касс в Москве. По-видимому, он провожал своего друга вылетающего другим рейсом, и чуть не опоздал на свой. Не глядя по сторонам, он быстро прошёл в глубину салона.

Володя огляделся, Boeing на котором им предстояло лететь, был не настолько стар, сколько неухожен. Внутренняя отделка бортов и материал пассажирских кресел были «замусолены» и, по-видимому, никогда не встречались с шампунем. Спинка среднее кресла в переднем ряду не стопорилась и попытка полной женщины-пассажирки его немного опустить, кончилось тем, что спинка, вместе с пассажиркой, загремев, упала на колени сидящего сзади аспиранта. Все усилия поднять и застопорить её, закончились ничем. Стюардесса увела полную даму в хвост самолёта. На иллюминаторе отсутствовало внутреннее стекло, и позже, по просьбе пассажира сидящего у стенки, его заткнули подушкой.

Наконец, сборы закончились, самолёт медленно покатали на рулѐжку.

Симонов сидел у прохода, и в иллюминатор противоположного борта видел удаляющийся аэровокзал и крыло самолѐта. Через какое-то время, двигатели загудели, самолёт вырвался на старт. Постояв, и собравшись с силами, ринулся вперѐд, слегка покачиваясь на стыках плит. Скорость нарастала, Володя обратил внимание, что крылья лайнера трясутся от неровностей полосы и вибрации. Это его очень удивило. Возможно, они также тряслись и на других самолѐтах, чего он не замечал. Но тут они тряслись так, будто собирались, мощно взмахнув, птицей поднять самолёт в небо.

Всѐ обошлось, шасси оторвались от земли, крылья замерли, самолёт набрал высоту, табло погасло. По салону распространился запах сигарет, над спинками сидений поднялись к потолку синие струйки дыма. Оказалось, что на сирийском рейсе курение не возбранялось.

С новым попутчиком, которого Володя окрестил – «аспирантом», они проговорили весь перелѐт до Стамбула. Огромный город при развороте самолѐта появились в иллюминаторе россыпью ярких, разноцветных огней. Молчаливый турок, сидящий у борта, вытащил подушку из холодного иллюминатора и стал смотреть вниз.

Загорелось табло, самолёт начал снижаться, он, казалось летел над самой водой, отражающей огни ночного города.

– Мраморное море, – пояснил аспирант.

Лайнер коснулся земли и, загудев двигателями, начал торможение. Голос стюардессы по-арабски и по-английски что-то объявил. Арабским языком Симонов владел слегка, английский не знал вообще, так как учил немецкий.

– Мы прибыли в международный аэропорт Стамбула, имени Ататюрка. – перевёл аспирант.

Вскоре всех пригласили к выходу. На улице было свежо и прохладно, чувствовалась близость моря. Пока пассажиры ждали автобус, к самолѐту подкатил чёрный автомобиль с зарешеченными окнами, из него выпрыгнули два человека в тѐмной форме, как Симонов предположил, полицейские. И стали прохаживаться вокруг лайнера, вероятно, в качестве охраны. Больше всего Володю удивило то, что они были вооружены немецкими автоматами «Шмайсер» военной поры.

К самолѐту прибыли два автобуса, в один погрузились те, кто летел в Турцию, других пассажиров – летевших дальше – в Дамаск, на втором автобусе отвезли «в отстойник», как по-русски назвал это помещение аспирант. Отстойником был большой зал, с буфетом, мягкими креслами, телевизором, туалетами и громадными пальмами по углам.

Июнь 1984 года. Дамаск. Международный аэропорт

В Дамаск прилетели далеко за полночь. Построенное в восточном стиле, новое, шикарное здание аэропорта светилось в ночи, как огромная скала, источающая свет.

По рукаву пассажиры попали в международный терминал. Многие, по-видимому самые сообразительные, почти бегом бросились к стойкам вдоль стены, и стали заполнять, сложенные там стопочкой листки. Туда же направился аспирант, взял один из листков и Симонов. И только тогда, понял всю глупость и безвыходность, своего положение. Это были, напечатанные на арабском, бланки деклараций, которые необходимо было заполнить, прежде чем идти на паспортный контроль и таможенный досмотр.

Советские переводчики встречали в аэропорту только рейсы Аэрофлота.

Оформляли необходимые документы, собирали паспорта и без всяких проверок проводили прибывших к автобусам.

Симонов, прилетев сирийским рейсом, не мог обойти паспортный контроль и свирепых таможенников, бесцеремонно вытряхивающих вещи своих сограждан для досмотра. Когда-то Володя, впервые прилетев в Дамаск, с ужасом наблюдал эту процедуру. В этот раз, на улице его не поджидал с машиной верный Аббас. Арабских денег на такси у Симонова не было, он даже не знал номера телефона оперативного дежурного Управления главного военного советника.

Всё ещё, на что-то надеясь, он прошёлся вдоль стоек, но бланка декларации на русском языке так и не нашёл. Молодой человек, аспирант советского ВУЗа, попытался помочь в заполнении декларации, но вскоре они поняли бессмысленность этого занятия. Остановились на том, что Ахмед, так, оказывается, звали аспиранта, по приезду домой, с квартирного телефона позвонит оперативному дежурному Управления. Если конечно найдёт его номер в телефонном справочнике. На том и расстались.

Симонов остался один, голоса людей звучали тише, зал понемножку пустел.

– Рано или поздно все разойдутся, а я останусь торчать посредине зала, как облезлая пальма. Надо где-то присесть в сторонке, и спокойно обдумать своё положение, не привлекая внимания охраны. Рейс из Москвы будет в пятницу, сейчас только утро среды – не дотяну, – с грустью подумал Симонов.

Он сел на скамью рядом с каким-то развесистым растением и сделал вид что дремлет. В пустом зале гулко разносились шаги сотрудника аэровокзала, прохаживающегося возле выхода из посадочных рукавов.

– Что расшагался? – неприязненно подумал Володя, чутко прислушиваясь к тому, куда шаги повернут, – сейчас подойдёт, и ласково скажет «собахен хэр – доброе утро!». И всё, приплыли, доказывай потом, что ты не верблюд! На его счастье вскоре прилетел рейс из Киева, до этого делавший посадку в Багдаде, а теперь собирающийся лететь дальше, – в Каир. По крайней мере, именно так понял прозвучавшее объявление Симонов.

Зал вновь наполнился голосами. Симонов знал, что все улетающие в Сирию по военному контракту, даже если они живут в Киеве, не могут прилететь этим рейсом. Улететь можно было лишь после посещения «десятки» в Москве. На рейсе могли прилететь только жёны, возвращающиеся из Союза. Но женщины улетали ради детей и, как правило, возвращались только после первого сентября. Всё же он поторопился к входу в терминал, внимательно, с надеждой разглядывая прибывших.

Увы, знакомых лиц он не увидел. Большая часть пассажиров Киевского рейса были арабами, две женщины показались ему русскими, но подойдя ближе, услышав их разговор, понял, что женщины сирийки.

Мимо Симонова не глядя по сторонам, сосредоточенно прошли трое мужчин, явно европейской внешности. Ожидая кого-то, они расположились на кованой скамье возле стеклянной

стенки, разделяющей зала. Приезжие вели себя как-то странно, между собой не разговаривали и по сторонам не смотрели.

Симонов, подошёл к мужчинам:

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, вы из Советского Союза?

Мужчины, не меняя выражения лиц, безучастно посмотрели на него, не натурально изображая, что ничего не понимают. Володя повторил вопрос, те вновь непонимающе уставились на Симонова. Поняв, что мужики явно из Союза, но, видимо, зверски заинструментированные перед выездом за границу, Симонов, как можно ласковее, представился:

– Я советский военный советник в Сирии, прилетел сегодня из отпуска. Я хочу узнать одно – вас будет встречать переводчик?

Мужчины упорно молчали, не поднимая глаз, стараясь не встретиться с Симоновым взглядом. Ситуация зашла в тупик!

Кто-то с противоположной стороны постучал в стеклянную стенку, Симонов поднял глаза и увидел переводчика гражданского контракта – Дмитрия, с которым был немного знаком. Через стенку ничего не было слышно, переводчик жестами показывал, что эти суровые мужики должны идти к входу в таможенный зал. Молчаливые хлопцы, уже натурально удивившись, смотрели то на Симонова, то на переводчика за стеклом, ничего не понимая. Решив ответить шуткой на их молчание, Симонов с металлом в голосе приказал:

– Всё, игра закончена, мы давно за вами наблюдаем! Нет смысла отпираться! Быстро встали, направо, по одному, вперёд! И прошу, без шуток!

Мужики покорно встали, подняли свои сумки и двинулись к выходу. Когда они дошли до дверей таможни, впереди образовалась небольшая очередь.

В зале, те же полные и потные сотрудники, «шерстили» вещи прибывших. Они бесцеремонно вытряхивали содержание непонравившихся сумок, что-то возвращали назад, что-то бросали за стойку, дела какие-то пометки на обратной стороне деклараций.

– Сало в сумках есть? – строго спросил Симонов, – мужики понуро молчали, взирая на разгул, творящийся в зале, – придётся его быстренько съесть, – серьёзным голосом скаламбурил Володя, – иначе будут большие неприятности.

Хлопцы переглянулись, по-видимому, старший из них, то ли смеясь, поняв игру Симонова, то ли действительно испугавшись, сказал:

– Не успеем! Нет, точно не успеем всё съесть!

Переводчик через стойку кричал Симонову:

– Собери у них паспорта! Давай сюда, и свой тоже! Передай через пограничника!

Не сопротивляясь, молчаливые мужчины сдали паспорта. Володя приложил свой и, через подошедшего офицера пограничной службы, передал Дмитрию.

Во главе с переводчиком, мужчины и Симонов успешно миновали паспортный контроль, стороной обошли свирепых таможенников, и вышли на остывающий асфальт привокзальной площади, под звёздное, южное небо.

Непредвиденные трудности особо не задержали Симонова, среди покидающих аэровокзал оказались пассажиры и его рейса, «аспиранту», спешащему на остановку такси, Володя крикнул, что у него всё в порядке. Негр, в форменной одежде с галунами, аксельбантом и фуражке с лакированным козырьком, катил по асфальту громадный чемодан на колёсиках, едва поспевая за своим хозяином. В этом высоком, с надменным выражением лица молодом человеке, Симонов узнал араба, который матерно ругался, пытаясь без очереди пройти в кассу Аэрофлота в Москве.

Негр загрузил чемодан в шикарную, блестящую голубой краской машину, молодой человек, садясь за руль, заметив Симонова, скривил губы в презрительной усмешке. Роллс-ройс с визгом взял с места и, плавно покачиваясь, умчался.

– Вероятно сын богатея из Латакии, судя по номерам, – предположил переводчик, – зря заглядываешься, такой лимузин нам с тобой за всю жизнь не купить. Лучше садись в мою скромную машинку, тобой займёмся позже, первым делом завезём парней в гостиницу, до утра.

– Случайно не «Рамиту»? – усмехнулся Володя.

– Ты с ней знаком?

– К сожалению, да! Незабываемое место, – ответил Симонов, – этих хлопцев надо, хотя бы, подготовить! Они не переживут ещё один шок!

Симонов расположился в Volkswagen переводчика, мужчины сели в микроавтобус и колонна тронулась.

– Ты почему этим рейсом прилетел? – выезжая на шоссе, поинтересовался Дмитрий, – его никогда переводчики вашего контракта не встречают.

– На другие рейсы билетов не было, – пояснил Володя, – а это, что за молчуны к вам приехали? Я от них так и не смог добиться ответа – приедет за ними переводчик, или нет? Крепкие ребята!

– Нефтяники, специалисты по буровому оборудованию, будут в пустыне нефть и газ искать.

– У них в сумках килограмм по десять сала, спрятано, – усмехнулся Симонов и рассказал, как он разыграл мужичков в зале прилёта.

Дмитрий долго смеялся, повторяя – «не успеем всё съесть, точно не успеем!»

– Тебя-то куда везти?

– Вообще-то, надо в Самейн, это километров полста от Дамаска. На худой конец, в Синий дом. От оперативного дежурного позвоню в коллектив, чтобы машину прислали.

– Завезём бурильщиков, и я тебя до Управления довезу.

Они ехали по ночным улицам города. Столица не спешила ложиться спать. Вдоль горящих разноцветными огнями витрин многочисленных лавок, неспешно и важно гуляли арабские мужчины в своих длинных, белых одеждах, играла музыка, из мощных динамиков приторно сладкий голос безуданно повторял: – «я хабиби, я хабиби – любимая, любимая!» Но женщин на улицах почти не было видно.

– «Хабиби» дома ждут, с детишками нянчатся, ужин готовят, так принято, – пояснил Дмитрий.

Выехав из освещённых кварталов центра, покрутившись по полутёмным улочкам, остановились возле обшарпанного крыльца с крылатыми львами и облупившейся вывеской «Отель».

– Узнаю тебя, о прекрасная «Рамита», – пошутил Симонов, – прошло два года, но ты совсем не изменилась. Наверное, и хозяйин, всё тот же – маленький, пухлый толстячок?

– Давненько я здесь не был, сейчас посмотрю! – усмехнулся Дмитрий.

Вскоре он вернулся:

– Точно, всё тот же толстячок-бодрячок, такой же угодливый и хитрый, ничего ночью мужики поспят, а утром я их заберу. Поехали!

Миновав центр, по освещённым улицам подъехали к знакомому, из стекла и бетона зданию, именуемому «Синим домом».

– Ты не представляешь, как ты меня выручил, – прощаясь, поблагодарил Симонов, – без тебя, я бы до сих пор сидел под облезлыми пальмами в помпезном зале прилёта. Спасибо! Прими эту бутылочку подарочного виски, вечером за ужином выпьешь!

Посмотрев, на начинающий светлеть небосвод, Дмитрий с сожалением ответил:

– За завтраком выпивать как-то не с руки, вечером попробую. Счастливо!

Арабский часовой у входа в Управление, узнав Симонова, отдал честь и сказал что-то про «Мобит». Симонов понял, что тот поздравляет его с окончанием отпуска.

Оперативный дежурный, принял под роспись, заграничный паспорт Симонова, пообещав утром сдать в отдел кадров. Володя позвонил в Самейн, дежурный по коллективу Виктор Буц ответил, что придётся доложить руководителю, выезд автомашин в ночное время только с его разрешения. Через некоторое время он перезвонил и сказал, что шеф приказал отправить за Симоновым свою машину.

Володя распрощался с оперативным дежурным, предупредив, что будет ждать во дворе. На улице было по-утреннему свежо, в маленьком бассейне лёгкий ветерок гнал едва заметную рябь, пахло неизвестными цветами, воздух был наполнен тишиной и ожиданием рассвета. Симонову вспомнился этот двор после взрыва два года назад – разбитые стёкла, куски бетона от здания КПП, вой сирен, люди в бинтах, туркестанская панاما погибшего солдата на клумбе, и убитая горем женщина над телом своей маленькой дочери.

Машина, приехала через час. Водитель шефа – Ильяс, встретил Володю, как близкого родственника, обрадованный его прибытием, он всю дорогу рассказывал о новостях коллектива. Из всего повествования Симонов отметил для себя какое-то недоразумение с вернувшимся из отпуска советником тыла, чемодан которого остался в Москве; счастливый отъезд, как Ильяс выразился, «на дэмблень» – нескольких советских солдат срочников и прибытие новых. А также радостную весть о том, что Володин водитель Аббас купил маленький японский грузовичок и в выходные дни таксует на нём по близлежащим деревням.

В Самей они приехали, когда на улице было почти светло. На удивление Симонова, полковник Томанчук в спортивном костюме прохаживался по дорожке перед зданием.

Симонов хотел доложить по форме, но Леонид Петрович махнул рукой:

– Не надо! Как доехал? Почему среди ночи, и каким рейсом?

Володя кратко ответил на вопросы, успокоил – слава Богу, всё обошлось, благодаря переводчику Дмитрию.

Поднялись в квартиру Симонова. Кроме привезённой русской еды, в холодильнике отпускника ничего не было. Леонид Петрович сходил к себе, принёс яиц, Володя приготовил глазунью на сале. Головокружительный запах дополнил утренний аромат сирийского утра. Позавтракав и выпив понемножку, поговорили о службе, шеф сказал, что сегодня будет дома, готовиться к докладу на совещании у Главного военного советника. Как сообщил Леонид Петрович, бригада Симонова готовится к учениям с боевой стрельбой ночью. Полковник Джума по-прежнему исполняет обязанности командира, и приказа о его назначении до сих пор нет. Симонов рассказал о том, как прощались с четой Лёльки у подмосковных родственников.

Володя вспомнил о своих дорожных приключениях, вместе посмеялись над молчаливыми буровиками, любителями сала.

Леонид Петрович разрешил Симонову отдохнуть и утром на службу не ехать, на этом и распрощались. Приняв душ, и включив вентилятор, Володя уснул на своей сирийской кровати. Впереди был целый год службы.

Июль 1984 года. Голаны. Мир тесен. Узник

По окончанию активной фазы боевых действий в Ливане, и возвращению части задействованных там войск в Сирию, бригада Симонова вновь приступила к несению службы на Голанских высотах.

Голанские высоты, это цепь небольших потухших вулканов, пологих высот, огромных полей застывшей вулканической лавы, и участков благодатной, орошаемой многочисленными ручьями, земли. Простирающиеся на восток от Тивериадского озера и долины Хула далеко вглубь территории Сирии.

Большая часть горного плато находится на высоте тысячи метров над уровнем моря, и является территорией Сирии. Около тысячи-двухсот квадратных километров территории Голанских высот, контролируется Израилем.

На западе плато круто обрывается к берегу Тивериадского озера, на юге и юго-востоке упирается в глубокое и узкое ущелье реки Ярмук. Названное местными жителями Большим Иорданским каньоном.

На востоке, высоты плавно переходят в пустынную местность.

На севере плато ограничено горным хребтом Хермон, самая высокая горная вершина на сирийской территории достигает 1814 метров. Около семи процентов Хермонского хребта контролируется Израилем. Большую часть года горные вершины Хермон покрыты снегом, таяние которого, круглогодично обеспечивает плодородные земли Голан живительной влагой. Делая территорию плато настоящей житницей, наиболее благоприятным районом для земледелия.

Сельское хозяйство местности хорошо развито и представлено огромными садами различных сортов яблок, вишни, маслин. Ягодными плантациями малины, клубники. Развито виноградарство и виноделие.

Здесь находятся природные заповедники, красивейшие ручьи и водопады.

Ближе к горным районам, климат более умеренный, летом не очень жарко, зимой довольно холодно.

Естественно такой благодатный во всех отношениях край, не мог не стать вожаемой добычей для бесчисленных завоевателей и колонизаторов. И в настоящее время не утихают споры и войны за право обладания этим прекрасным уголком природы и жизни, на границе с безжизненной Аравийской пустыней.

Во времена Османской империи здесь хозяйничали турки и даже построили в глубине территории Сирии железную дорогу в Иорданию.

Из открытых источников следует, что после Русско-Турецкой войны 1877—78 годов на Голанах компактно проживали черкесы-эмигранты из России.

После Первой мировой войны и распада Османской империи, в Италии состоялось заседание совета стран Антанты, по распределению мандатов на управление территориями бывшей Османской империи. Декларация Лиги Наций включила Голанские высоты в состояние Британского мандата.

В марте 1923 года Англия передала Голанские высоты Франции, и те стали частью французского мандата на Сирию и Ливан.

27 сентября 1941 года Франция предоставила независимость Сирии, с условием размещения французских войск на её территории, до конца Второй мировой войны.

В сентябре 1944 года Сирия провозгласила независимость, а территория Голанских высот была включена в государственные границы Сирии. Что сделало невозможным дальнейшее создание еврейских поселений на Голанских высотах.

Весной 1948 года, сразу после объявления независимости Тель-Авивом, Лига арабских государств объявила войну Израилю, так началась первая арабо-израильская война. В ходе которой, Израиль смог отстоять свою независимость.

По результатам войны между Сирией и Израилем, Голаны остались под контролем Сирии. Там были развёрнуты подразделения Вооружённых сил Сирии, со специально созданным командованием и штабом в районе Эль-Кунейтра.

Такое состояние продолжалось до 1967 года.

На линии соприкосновения периодически происходили боевые столкновения между подразделениями противоборствующих сторон и взаимные артиллерийские обстрелы прилегающих территорий.

9—10 июля 1967 года в ходе «шестидневной» войны, израильская армия начала хорошо подготовленное, внезапное наступление. И после тяжёлых боёв заняла Голанские высоты и оккупировала территорию, в течении двадцати трёх лет принадлежавшую Сирии. Разместив на ней значительную группировку войск, проведя огромную работу по инженерному оборудованию местности и организации глубоко эшелонированной системы многоярусных укреплений и минных полей. Тем самым, создав буферную зону и район размещения войск, всего в пятидесяти километрах от столицы Сирии – Дамаска.

В октябре 1973 года Сирия предприняла попытку вернуть захваченные территории. Голанские высоты вновь стали ареной кровопролитных боёв. На некоторых участках сирийцам удалось, прорвав глубоко эшелонированную оборону, значительно продвинуться на израильскую территорию.

Имеются сведения, что на отдельных участках, подразделения Сирии вышли к Тивериадскому озеру и на рубеж реки Иордан.

Но отсутствие нужного взаимодействия, открытые фланги сирийских подразделений, вопреки приказу, глубоко прорвавшихся в оборону противника; хроническое отставание тылов с горючим и боеприпасами; в совокупности с низкой исполнительностью и желание каждого командира «стать героем», не заботясь о соседях и резервах, привели к такому же стремительному отступлению сирийских войск назад, к Дамаску.

Попытка вернуть Голанские высоты закончилась полным провалом. И только решительные действия Совета безопасности ООН, смогли остановить боевые действия и отвести израильские войска.

После всех конфликтов и войн, многострадальная земля Голанских высот густо «нашпигована» минами различного назначения, производимые многими странами мира. До сих пор, в толще земли притаились мины ещё в деревянных корпусах, терпеливо ждущие свои жертвы. Город Эль-Кунейтра, не единожды разбомблённый и обстрелянный, хранит в себе множество неразорвавшихся снарядов и мин. Он признан непригодным для проживания людей. Город мёртв!

В 1974 году в регион были введены Чрезвычайные вооружённые силы ООН. В районе Эль-Кунейтра была проведена линия разъединения воюющих сторон, создана демилитаризованная зона, которую по сей день, контролируют офицеры-наблюдатели ООН. Регулярно проводится аэрофотосъёмка положения войск, самолётом-разведчиком международной организации.

1981 году Кнессет Израиля принял «Закон о Голанских высотах», где в одностороннем порядке, был провозглашён суверенитет Израиля над этой территорией. Аннексия была признана недействительной Резолюцией Совета Безопасности ООН в декабре 1981 года.

После поражения в войне 1973 года, проанализировав её горькие уроки, сирийское руководство предприняла серьёзные меры по укреплению защищённости стратегически важных для страны Голанских высот. Здесь была сконцентрирована мощная группировка войск, и построена современная система глубоко эшелонированной обороны.

Израильская сторона также постоянно совершенствовала инженерное оборудование захваченных территорий, размещая там всё новые и новые военизированные поселения.

Весной и летом 1982 года некоторые подразделения сухопутных войск Сирии с Голанских высот были переброшены в Ливан и участвовали в боевых действиях против Цахал.

С окончанием активной фазы боевых действий в Ливане, большая часть сирийского воинского контингента была возвращена в пункты постоянно дислокации. Но некоторые бригады по-прежнему оставались там, в составе межарабских сил по поддержанию мира в Ливане.

В связи с этим, боевые задачи бригад, расквартированных на Голанских высотах, изменились и требовали уточнения на местности.

Через неделю по возвращению из отпуска, Симонов, с другими советниками командиров бригад, под руководством советника командира дивизии полковника Томанчук, несколько дней выезжали на местность, в так называемые «полевые поездки», по уточнённым задачам своих бригад. Где назначались новые разграничительные линия, районы обороны, рубежи проведения контратак и решались вопросы организации взаимодействия.

Затем вместе с начальником оперативного отдела бригады полковником Сами, начальниками инженерной, химической службы, командиром артиллерийского дивизиона и командиром батальона второго эшелона, Володя, с помощником Рустамом, объехал новые районы размещения этих подразделений. Нельзя было сказать, что районы были вообще новыми, просто к тому, что уже было, «прирезали» часть района обороны соседней бригады, оставшейся в Ливане.

По случаю такой поездки, Володя взял в штабе дивизии арабского переводчика Бассима.

Ещё ранее, два года назад по приезду в Сирию, знакомясь с боевыми задачами бригады, Симонов заинтересовался оборудованием взводных опорных пунктов в условиях пустынной местности.

Согласитесь, что на местности, не имеющей каких-либо естественных укрытий, кроме невысоких, почти идеально круглых горок над кратерами уснувших вулканов, замаскировать и спрятать от глаз противника, к примеру, танк, практически невозможно. В век штурмовой авиации, вертолётов огневой поддержки, когда на снимках со спутника, можно прочесть даже номера автомобилей стоящих на перекрёстке, спрятать какой-то более крупный объект, или элемент обороны, не представляется возможным. А коль такие объекты спрятать нельзя, надо сделать такое их количество, чтобы среди запасных и ложных, легко можно было спрятать истинные.

Опорный пункт танкового взвода, размером двести на триста метров, представлял собой, высокую насыпь по кругу, за которой по всему периметру была оборудована дорожка для движения танков. С таким расчётом, что танк, находящийся на дорожке, был невидим для наземного противника. Через определённые расстояния, на дорожке возвышались небольшие площадки, въехав на которые, корпуса танков были по-прежнему не видны противнику, но, повернув башни в сторону брустверов, можно было, произвести выстрел и, повернув башню в исходное положение, съехать вниз, и спрятаться за насыпь.

Такой способ стрельбы в переводе с арабского обозначал «карусель». Недалеко от дорожки оборудовались танковые окопы и блиндажи для экипажей.

Самое главное, таких «кругов» было очень много, и перемещаться с одного на другой можно было по вырытым в земле коридорам, являющимся одновременно и противотанковыми рвами, между опорными пунктами.

Экипажи и взвода могли менять позиции и держать круговую оборону. При необходимости, танкистам придавалась пехота.

Такая система обороны не требовала больших затрат, была продуманной и, в данных условиях местности, наиболее эффективна.

Конечно, обезображенные ямами поля не приносили особой радости местным «феллахам» – земледельцам, тем не менее, вокруг этих гигантских кругов и внутри, пахали землю и растили урожай. Военные старались причинять как можно меньше вреда и неудобства трудолюбивым землепашцам.

Ближе к обеду, работа с арабскими офицерами была закончена, и они вместе с усатым полковником Сами уехали. Володя решил не возвращаться назад в бригаду, до Самейна было гораздо ближе к тому же он хотел посмотреть новый тыловой район.

Одна из высот, которыми заканчивалось Голанское плато, идеально подходила для развёртывания тылового пункта управления бригады. Среди переплетения пожелтевших растений, просматривалось какие-то сооружения. То ли амбразуры дотов, то ли смотровые площадки.

Аббас пояснил, что во время войны 1973 года, наверху размещался какой-то крупный сирийский штаб, чуть ли командный пункт президента. В ходе израильского наступления на столицу он был захвачен, а при выводе израильских войск, взорван.

С северной стороны на гору вела едва накатанная грунтовая дорога. Поднявшись выше, среди нагромождения скал, Володя увидел довольно большую площадку для транспорта. Прицеп без колёс, ржавые бочки с остатками солянки, рифлёный сарай, закрытый на сломанный висячий замок, убогая печь, сложенная из плоских камней, говорили о том, что когда-то тут жили люди.

Дальше пришлось подниматься пешком. Выложенная камнями дорожка привела к металлической двери, вмурованной в скалу. Она оказалась незапертой. На удивление бесшумно, ржавая дверь открылась, за ней обозначился тёмный коридор, ведущий куда-то вверх, откуда пробивался неяркий свет.

Симонов, стараясь не шуметь, передёрнул автомат, Рустам тоже вытащил свой пистолет, Аббас и переводчик осторожно шагали сзади. Молча, пошли по коридору, опасливо оглядываясь по сторонам. Кругом было тихо, только сверху по коридору доносились какие-то бухающие звуки. Наконец, стало слышна арабская музыка, и негромкий разговор. Пришлось идти ещё более медленно и осторожно.

На широкой террасе, вырубленной в скале, шипела походная газовая плита, на которой, попыхивая паром, стоял закопчённый чайник. И громко играл маленький обшарпанный магнитофон. На коврике, по-арабски скрестив ноги, спиной к пришедшим, расположился мужчина в серой военной форме, с засунутым за ремень брюк пистолетом. Другой, совсем молодой парень, сидел лицом к своему товарищу, держа в руке маленькую кофейную чашечку.

Внезапное появление гостей, застало их врасплох. На лице молодого отразился испуг, он чуть не выронил свою чашку. Сидевший спиной попытался повернуться, но Аббас прикрикнул на него и он застыл в своей позе. Аббас, нагнувшись, вытащил его пистолет и за шиворот поднял мужчину.

Рустам, обойдя плиту, обыскал молодого, оружия у него не оказалось.

– Кто вы? – спросил Симонов, – ваши документы!

Мужчины молчали.

– Наверное, это дезертиры? – предположил Бассим, обращаясь к Симонову. И то же самое, сказал по-арабски.

Мужчины заговорили, перебивая друг друга.

– Это отец с сыном, говорят, что живут в деревне под горой, – перевёл Бассим, – отец уже старый для службы, а сына ещё не призывали. Они земледельцы и ещё держат овец.

Только тут Симонов заметил подстилку из соломы, навоз, клочки шерсти и устойчивый запах баранов.

– Они, что баранов тут держат? – спросил Симонов. Бассим перевёл.

– Да, стадо небольшое и на ночь они загоняют его сюда. Всё равно помещение никому не нужно.

– Откуда у вас оружие? – спросил Володя, прекрасно понимая, что достать оружие в постоянно воюющей стране, не проблема. Хотя за это, можно было, запросто, угодить в «сиджен – тюрьму».

– Нашли на поле, он ржавый был, – как он и предполагал, ответили крестьяне.

Уловив по произношению, что Симонов не араб, старший спросил переводчика, кивнув в сторону Володи:

– Он еврей? Вы израильтяне?

Симонов понял сам и ответил:

– «Ля – нет!»

– Французы?

Володя промолчал. Покрутив в руках изъятый ПМ, Симонов сказал Рустаму:

– Посмотри, пистолет-то, как новый, не пятнышка ржавчины. В какой же земле, он лежал и с какой войны? На клеймо глянь – явно китайский!

Аббас тщательно обыскал мужчин, больше никакого оружия не обнаружилось. Оставив его охранять задержанных, с Рустамом и переводчиком Володя пошёл осматривать помещение.

Пещера была вырублена в скальном грунте. С одной стороны в стене были сделаны окна, больше похожие на бойницы, выходящие в направлении Израиля. По другую сторону довольно широкого коридора, располагались несколько помещений, напоминающих или келья, или камеры, или маленькие сарайчики. На некоторых сохранились ржавые решётчатые и металлические двери.

– Прекрасный командный пункт, – прикинул Симонов, – можно и противотанковые средства разместить. Местность просматривается километров на пять, – «стреляй – не хочу!» Одно плохо, эти фортификационные сооружения, как пить дать, обозначены на всех израильских картах с точной привязкой координат. И по ним будет нанесён один из первых артиллерийских, или авиационных ударов.

Коридор упирался в осыпавшиеся камни.

– Израильтяне, уходя, взорвали! – напомнил Бассим.

Железная дверь в последнюю перед завалом комнатку, оказалась запертой. В задвижку вместо замка, был втолкнул массивный кованый штырь, из-за двери доносились какие-то звуки.

– Может, новорождённых ягнят держат? – предположил Рустам.

Штырь с трудом выбили камнем. Все отошли, Рустам, стоя сбоку, попытался резко распахнуть дверь, но смог открыть её, только наполовину. Из темноты послышалось неясное мычание, похожее на плач.

– Рустам, приведи сюда старшего мужика, – приказал Симонов, – да будь осторожен, пускай Аббас ему сначала руки свяжет, его же ремнём. Заодно посмотри, – может у них в вещах и фонарик найдётся.

Вскоре, подталкиваемый Рустамом, пришёл отец.

– Спроси у него, кто там закрыт? – сказал Симонов Бассиму.

– Он говорит, что не знает, они уже несколько дней не были тут.

– Они, то говорят, что каждую ночь сюда скотину пригоняют, то рассказывают, что давно тут не были? – засомневался Симонов.

Бассим перевёл его слова хмурому мужчине. Тот неожиданно упал на колени и завыл в голос, что-то, быстро говоря, хватая Симонова за руки и повторяя «сиди, сиди – господин, господин!»

– Что он говорит? – спросил Володя.

– Клянётся, что несколько дней назад, вечером, один знакомый из деревни, привёз на красивой машине парня, который сейчас сидит там. Парень спал, знакомый сказал, что он пьяный, чего-то напился, или обкурился, стал безумным и его надо несколько дней держать взаперти. Попросил посмотреть за ним и обещал хорошо заплатить. Дал пистолет, сказав, если тот попытается убежать, его надо убить. Прошло уже три дня, а знакомый, уехав на той красивой машине, так и не появился. Теперь они с сыном не знают, что делать?

Аббас привёл сына пастуха, вместе с ним вытащили из кельи на свет божий окровавленного молодого человека. Его некогда модный и дорогой костюм, был вымазан грязью и рвотными массами. Судя по всему, связанный пленник, несколько дней оправлялся по большой и малой нужде, не снимая брюк. От парня исходил ужасный, вызывающий тошноту запах. Рот и глаза были заклеены широкой, коричневой лентой-скотчем.

Когда Аббас перерезал верёвки и с трудом сорвал ленту, человек полными ужаса глазами огляделся по сторонам, не понимая, где находится. Не в состоянии стоять, упал на бок, зарыдал, содрогаясь всем телом, захлёбываясь слезами, повторял одно и то же.

– Что он бубнит? – спросил Симонов переводчика.

– Просит его не убивать. Предлагает забрать деньги, доллары и машину, но только не убивать. Он сын богатого человека, отец заплатит за него любые деньги. Обещает никому не рассказывать, где был, и кто мы, – перевёл Бассим, – вероятно, он считает нас тоже бандитами.

– Пока не говори ему ничего о нас, – приказал Володя.

Отца и сына по приказанию Симонова закрыли в той же самой келье. Пожилой крестьянин, подвывая, молился, стоя на коленях и вознося вверх руки.

Недавний пленник сел спиной к стене и со страхом глядел на людей, не зная, что от них ожидать. Затем, с помощью Аббаса, доковылял до газовой плиты, ближе к свету, и обессилено присел на коврик земледельцев. Переводчик налил ему чай, молодой человек одним махом выпил целую кружку, схватил ещё тёплый чайник и начал пить, обливая водой лицо и грудь, не обращая внимания ни на кого.

– Передай Аббасу, пускай едет в штаб бригады зенитчиков, мы около неё недавно проезжали, оттуда позвонит в дивизию и вызовет военную полицию, – приказал Симонов Бассиму. – А этого друга спроси, кто он такой и, как сюда попал?

Бассим перевёл недавнему пленнику Володиных вопросы. Когда он стал переводить ответы, Симонову показалось, что пленник как-то прибодрился и иногда отвечал на вопросы, не дослушав их перевод на арабский.

Молодой человек рассказал, что учится за границей, домой в Сирию недавно приехал в отпуск. Родители живут в Латакии, отец известный в городе бизнесмен. Молодой человек решил съездить в Мекку, помолиться всевышнему, но оказался вот здесь, в этом грязном хлеву и таком ужасном виде.

Неизвестные люди избili его, ограбили и собирались убить, требуя выкуп.

И тут Симонова, как осенило:

– Бассим, поищи-ка у этих «бедных дехкан» воду, и дай обмыться несчастному паломнику.

Поискав в ближайших кельях, переводчик принёс пятилитровую ёмкость с водой и полил на руки пленника. Молодой человек вымыл руки и лицо, с громадным синяком под левым глазом.

– Продолжим? – спросил Бассим.

– Мне кажется, что твоя помощь нам больше не понадобится, – усмехнулся Володя, – насколько я помню, наш гость неплохо говорит по-русски.

– Не так ли? – обратился Симонов к недавнему пленнику, – расскажите все, как было, на моём языке. Мы же с вами, помнится, встречались в Москве, возле касс Аэрофлота? Вы тогда поразили всех присутствующих глубоким знанием «великого и могучего»!

– Я тоже вас узнал. И мы действительно встречались в Москве, при неприятных обстоятельствах. Но, как у вас говорят – «кто старое вспомнит...». Мы даже летели в Дамаск, как выяснилось, одним самолётом.

Старательно подбирая слова иногда прибегая к помощи переводчика, он продолжил рассказ:

– Приехав, домой к отцу, я устроил небольшой мальчишник со своими школьными друзьями. Они все, как и я, учатся за границей – в Лондоне, Орегоне, Колорадо. Не виделись несколько лет, вспоминали былые проделки, веселились и немножко перебрали спиртного, – молодой человек замолчал, вопросительно взглянув на Симонова.

– Продолжайте, продолжайте я вас слушаю, – подбодрил Володя.

– Мой отец известный в стране бизнесмен, – продолжил бывший пленник, – человек старых понятий и традиций, все молодёжные взгляды на мир и религию неприемлемы в нашей семье. Отец, неожиданно приехавший в загородный дом, где мы отдыхали, был поражён и оскорблён до глубины души. Утром состоялся нелिцеприятный разговор, отец пожелал, чтобы я поехал в Мекку, где под присмотром его старых друзей, пробыл бы до конца каникул. Молитвами и служением очищая себя от греха, возвращаясь на путь истинный. В противном случае, моя учёба в Советском Союзе будет закончена. Зная твёрдый нрав отца, ничего другого не оставалось, как согласиться, – молодой человек налил воды в помятую кружку и залпом выпил. – Извините! Меня не кормили и не давали воды все эти дни! – помолчав, продолжил свой рассказ. – Отец разрешил взять одну из его машин, и я выехал в Саудовскую Аравию. Путь лежал через Дамаск, куда я приехал к вечеру. В гостинице, на своё несчастье, встретил ещё одного друга, разговорились, он обещал показать мне некоторые «интересные места» старого Дамаска. Поехали на моей машине. Остальное помню плохо, какие-то люди в накуренном зале, полуголые женщины, усаживающиеся на колени, мы что-то выпивали, закусывали, курили кальян. Очнулся в этом вонючем гадюшнике, связанный, с заклеенными глазами и ртом. А я, как на грех, простыл перед отлётом из Москвы, и нос заложило – думал, задохнусь! Но потом смог проделать в плёнке небольшую дырку через неё и дышал, – вновь налил кружку воды, не останавливаясь, выпил. – Я благодарен вам за своё спасение и до конца жизни буду вас помнить!

– Сейчас сюда приедет полиция, и вы подробно всё повторите, – выслушав его сбивчивый рассказ, ответил Симонов. В качестве свидетелей, если понадобится, могут выступить мой водитель и арабский переводчик.

Минут через сорок примчался начальник военной полиции майор Аднан. Симонов коротко рассказал о происшествии и попросил не упоминать в следственных документах его, как свидетеля, – он гражданин другого государства, и пока дело дойдёт до суда, возможно, уже уедет в Советский Союз.

Аббас и Бассим остались для следственных действий, Симонов на своей машине приехал в Самейн и доложил о происшедшем руководителю коллектива. Позже Аббас рассказал, что дело передали в гражданскую полицию. Машину так и не нашли, вероятно, её угнали или в Ливан, или в турецкий Курдистан.

Чем дело закончилось для студента московского ВУЗа так и осталось тайной. Бассим, как бы между прочим, обмолвился, о появившихся в местной печати предположениях, что похищение студента организовал сам отец. Желая таким образом, продемонстрировать сыну, чем может закончиться его очередная «шалость».

Июль 1984 года. Рекогносцировка

Полевые поездки, с целью уточнения боевых задач бригады, продолжались до конца месяца. Дабы не вызывать беспокойства у военных наблюдателей ООН, контролирующих перемещение войск вдоль линии разъединения, работу проводили небольшими группами офицеров бригады.

Симонов выезжал почти с каждым батальоном, обычно с начальником оперативного отдела, реже, с исполняющим обязанности командира бригады полковником Джума.

Подарочный танк так и лежал в сумке, случая чтобы вручить его генералу Амину никак не представлялось. После своего назначения в президентскую дивизию он не приезжал в свою бывшую бригаду, хотя и перезванивался с бывшим начальником штаба по телефону. Однажды Мухаммад Джума сообщил Володе, что генерал Амин обещал на следующий день приехать в бригаду, забрать какие-то свои оставленные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.